ПРАВОСЛАВНАЯ КНИГА В ДОРОГУ

Александр Петров

СТРАНСТВУЮЩИЙ

Это о тебе, о твоей жизни

Александр Петров
Странствующий

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300215
Странствующий:

Аннотация

Тихон с детства мечтал пройти дорогами странствий. Только образ жизни не позволял ему вырваться из цепких оков бизнеса, что привело его к духовному кризису и теплохладности. И вот Господь дарует ему такую возможность: он теряет работу, жену, деньги, машину. Тихон поднимается, выходит из дому и ступает на путь странничества – духовного путешествия не только по земным дорогам, но и путями прошлого, будущего и даже с погружением во ад и восхождением в рай. Некоторое время Москва не отпускает его, сталкивая со знакомыми, которым он указывает путь к храму. В Коломенском он обретает спутника – опытного странника, то ли человека, то ли ангела. Они вместе путешествуют по городам и весям, не задумываясь, что им есть и где спать, целиком отдавшись на волю Божию, соединив дыхание с молитвой. Им встречаются разные люди, представляющие разные типы верующих и неверующих. Общаясь с реальными людьми, они погружаются в мир их проблем и указывают единственно верный путь к спасению жизни и души. Молитва Тихона оживает, обретает силу и помогает вспомнить то важное и спасительное,

что жило в душе, но было похоронено под мусором суеты: судьбоносные случаи из прошлого человека, страны, вселенной. Странничество меняет не только самих подвижников, но и окружающее пространство, проливая свет и выявляя истину. Наконец Тихон приходит к главному открытию: куда бы он ни шёл, в каком бы направлении времени и пространства он бы ни двигался, путь его лежит к центру сердца, которое сокровенно вмещает целую вселенную, преисподнюю и царство Небесное…

Содержание

Панорама	5
Начало пути	9
Вестники	14
Путешествие к центру сердца	23
Странник	32
Свобода	38
Пустынник	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Петров
Странствующий

Ой, блаженный этот путь —
Куда страннички идут.
В Русалим они идут,
А их Ангелы ведут.

Старинный кант

Панорама

Итак, фирма обанкротилась, и меня отпустили в бессрочный отпуск, что равноценно увольнению. Дома на столе обнаруживаю записку, из которой следует, что Принцесса покинула этот трехкомнатный кооперативный дворец и когда вернется, да и вернется ли вообще, – неизвестно. Пропали также «Нива» из гаража, компьютер со стола и все наличные семейные сбережения.

Если оглянуться назад, можно вспомнить, что меня заботливо готовили к этому перелому. Например, работаешь себе, работаешь, и вроде бы всё ничего – только начинает вдруг томить абсурдность прожитого дня. Ради чего работаю? Ради зарплаты – и только? И моя белая сорочка кажется черной и вовсе не благоуханной… И компьютеры на столах предста-

ют вампирами, сосущими здоровье и время. Ненароком долетит до ушей болтовня сотрудников, – а там пирушки, развлекушки, девчушки… Потом приходишь домой. Что-то жуешь, делаешь домашние дела, говоришь по телефону с чуждыми, но «нужными» людьми. Возьмешь книгу. Почитаешь на диване про подвижника, который когда-то давно возносился в молитвах над землей, ходил по воде, как по суху; воскрешал мертвых, спал по часу в день урывками… – и думаешь: какое отношение это имеет ко мне? И зачем читать, если не на пользу?

…И вдруг – мысль, как удар: в это самое время где-то рядом живые монахи распинаются за гибнущий мир, умирая «на каждый день»; вчерашние столичные профессора и художники в комариной глуши возрождают храмы, а по дорогам Руси Святой шагают странники… И вскочишь с дивана, взлохматишь прическу, просипишь, бия себя в грудь: «Доколе! Почему это мимо?» – да и обратно сядешь…

И вот свершилось… Сам же хотел, чтобы эти «тараканьи бега» кончились. Чтобы серое существование сменилось чем-то живым и новым. Что ж это я так переполошился? Ведь именно сегодня я стал свободным. Лопнули разом все путы, державшие меня на привязи. Мне бы радоваться, прыгать до потолка – но этого нет. Свобода привела с собой неразлучную спутницу – ответственность. Вчера я мог сказать: хочу, но не могу, потому что у меня есть обязанности. Пусть условные, но обязанности – это, как ни крути, уважи-

тельно. Сегодня – свобода. И отныне делать надо то, что надо. Никуда не денешься.

Издавна видел я себя странником. Идти по дороге, куда глаза глядят, откуда веет свежий упругий ветер надежд – вот чего желает моя душа! Хочется встреч с разными людьми. Отчего-то нужно мне обойти дальние страны, побывать на всех материках, на всех широтах. «Земную жизнь пройдя до половины», не увидеть тундру и тайгу, саванны и прерии, фиорды и каньоны, пустыни и солончаки – это неправильно. Если существует где-нибудь все это, а я – здесь, то мы просто обязаны сойтись в одной точке.

И это еще не все! Меня связывают оковы времени. Не устраивает ограниченное текущее мгновение. Не меньше настоящего интересны прошлое и будущее. И если время – это условность, то надо попробовать ее преодолеть.

Однажды в детстве во время осмотра Бородинской панорамы меня озарило нечто великое. Настолько огромное, что обозреть и вместить это в свое малое сознание оказалось невозможным. Так же, как это огромное полотно вокруг, и все события, на нем изображенные. Если обычный живой человек, художник, сумел охватить такое количество людей, событий, дальних и ближних планов, то, значит, возможно выйти за границы пространства и времени. Допустимо это – с помощью каких-то сил, дополняющих слабые возможности человека.

Помню, стоял в оцепенении среди бредущих по кругу лю-

дей и видел вокруг себя не рисованные маслом картинки, не пыльные макеты и куклы, не холст, изображающий небо – не эту условность, нет. Передо мной явилось бесконечное поле реальных событий, которые происходили с древности до необозримого будущего.

Открылось это на краткий миг. Блеснуло – и прошло. Озарило, потрясло – и… занавес упал. Почти ничего в памяти не осталось. Только неописуемый восторг от созерцания грандиозной высоты и неохватной глубины в золотистом сиянии восхода. Зачем? Где это было? И где это есть? Какое отношение имеет ко мне?

Хочу туда! Отныне тесно мне земное время. И это плоское, как раскрашенный холст, пространство теснит и давит. Тот, кто приоткрыл занавес, пусти меня туда!

Как все хорошее, завершилось откровение грубым толчком в спину и ворчливым – «встал, как пень». Потом довольно быстро действительность втянула меня в свою муравьиную суету. Я не противился. А чуть позже сознательно связал себя узами множества ненужных «надо» и капризных «желаю». Прошло немало времени с тех пор. Лишь изредка блеснет из детства луч панорамной свободы, позовет, обнадежит – и обратно в темницу.

И только сейчас мое давнее желание свободы начинает сбываться. Для чего? Не для странствий ли? Посмотрим.

Начало пути

С утра пораньше с легким рюкзаком выхожу из опустевшего дома. Передо мной лежит асфальтовый тротуар, рассеченный трещинами, в озерах мутных лужиц. А я вижу, как вдаль несется и зовет путь странствий.

Это у меня впервые – вот так сжечь мосты и пойти куда глаза глядят. То страх, то радость закипают в жилах. То уныние накатывает черной волной, то отлив и – надежда на лучшее крепнет в груди.

Кто я сейчас как не пылинка в бурном океане? Где привычный порядок моей жизни? Что у меня осталось, кроме веры? На что надеяться, как не на Промысел Божий? Откуда ждать защиты, как не от Покрова Пресвятой Богородицы? Кто мой друг и кто попутчик, как не Ангел-хранитель?

Вокруг меня постылый город обступает сонных пленников безликими бетонными коробками. А я, наконец, проснулся бодрым и свежим. И бессмысленность рухнула. И жизнь во мне обновляется.

Ничего наперед не знаю. Планов – никаких. Полностью полагаюсь на волю Провидения. Шагаю с легким сердцем. Таинственная Панорама из детства словно оживает. Где-то в ее начале происходит сотворение вселенной. И это вполне созвучно началу пути. И сотворению моей новой вселенной. Что такое моя личная вселенная? Всего-то полсотни че-

ловек, с которыми общаюсь, да несколько мест, в которых случается бывать. Надеюсь, отныне моя вселенная вырастет. Как растет она сейчас в моей незримой глубине. Как расширяется она в космическом масштабе, что не устают напоминать астрономы, размахивая снимками заумных «красных смещений». Ну, да ладно…

Мало-помалу вихрь мистических ощущений стихает. Оглядываюсь и обнаруживаю себя под землей, внутри грохочущего вагона метро. Народ жмется друг к дружке в отдалении, я же стою на просторе – хоть вальс танцуй. И тут в ноздри ударяет едкий кислый запах, и тошнота подкатывает к горлу. Оглядываюсь: вокруг меня – спереди и сзади – на лавках лежат вразвалку бомжи. И спят. Наблюдаю в себе острое желание зажать нос и отодвинуться подальше.

С трудом заставляю себя остаться на месте и разгладить лицо, которое, должно быть, скривила брезгливая гримаса. И тут вспоминаю, что и сам я отныне бездомен, и отвращение сменяется сочувствием. Выходит, что и я в любой день могу стать таким же. И от меня станут отворачиваться домашние мальчики и девочки, едущие с гувернанткой в парк на итальянские аттракционы, зажимая носики надушенными батистовыми платочками.

Господи, не дай мне вознестись над этими несчастными! Ты, сотворивший вселенную, Сам не гнушался возлегать с про**к**лятыми мытарями и прокаженными, не брезговал бесноватыми и увечными. Не отвергал ни грязных, ни покры-

тых струпьями рук. Ты возлегал на трапезе с людьми и удивлялся: Бог посылал Иоанна, который ни ел, ни пил – его не приняли. И вот Ты пьешь и ешь с изгоями и богачами – снова людям не так. Ты на Себе узнал, что есть презрение и бездомность. Эти несчастные забыты всеми, но только не Тобой. Спаси их, Господи! А мне – не дай иметь к ним отвращение.

Нечистый запах уносит ветерок, пахнувший из окна. Один из бомжей в искусственной дубленке – это летом! – открывает заплывшие глаза и сонно протягивает мне красную ладонь в черных разводах. Кладу монету, невольно касаясь руки, но брезгливости нет. Рука бездомного с монетой ложится в карман, глаза закрываются. Помоги вам Господь. Двери открываются, и я схожу на своей станции.

Остается позади шум и тряска, толкучка и разговоры. Перехожу шоссе и по асфальтовой дорожке направляюсь вглубь фруктового сада. На смену суете приходит мерный ритм ходьбы. Поэтому, успокоившись, вполне справедливо задаю себе вопрос: а не обман ли это? Нечто похожее случалось со мной весной и оказывалось западней.

Весна – это всегда гормонально-пьяный обман. Весной и в начале лета кажется, что жизнь впереди, и небо такое безоблачное и голубое, и ты весь такой вытянутый вперед-вверх… И в мозгу, воспаленном солнечной радиацией, взрываются одна за другой вспышки миражей. И сердце отзывается на истошное верещанье воробьев и прочей пернатой мелочи.

Будущее кажется искряще-сияющим и ароматно-ванильным. И горизонты распахнуты и широки, как пути, ведущие… в большое земное счастье. И проблемы стремительно умаляются. Только все это обман, который проясняется с наступлением холодов. Тогда трезвеешь, и вновь приходит печаль о совершенстве, которое на земле недостижимо. Отсюда вывод: влюбляться лучше поздней осенью, а умирать – весной, на Светлую седмицу.

Восторженность – учит вековая мудрость – прямой путь к отчаянию. Так что когда впадаешь в весеннее опьянение – сеешь будущее уныние и разочарование. Итак: трезвое спокойствие.

Когда оглядываюсь на прожитое, то оказывается, что покатился я в пропасть именно в весенние года и в весеннюю пору. Чудом, великим Промыслом Божиим, остановился… Это ведь, чтобы удержать на краю, показали мне во сне то место ада, куда я так упорно катился в безумно-пьяные годы! А как увидел шквал ревущего огня и злющие красно-зеленые глаза, услышал вопли соседей по огненному озеру, вдохнул серные миазмы, всем существом ощутил беспощадное зло, безнадежность, ужас… – так и в церковный ковчег вошел. Нет, вбежал, запыхавшись, оглядываясь в страхе через левое плечо за спину… Выходит, живу как бы вторую жизнь, дарованную мне чудесным образом. И обмануться сейчас, когда желанная свобода сбросила с меня оковы суеты, было бы непростительно.

В то же время, знаю точно и верю словам афонского старца Софрония: «не попустит Господь заблудиться человеку, который воистину не лукавствует пред Ним».

Вестники

Итак, размышления по дороге приводят меня сюда. Кто-то скажет, ничего в месте этом странного нет, и будет прав. Среди бетонных коробок шестирядным шоссе к высокому берегу реки прижато царское село. Внутри крепостных стен стоит тишина. От тишины поначалу звенит в ушах, потом привыкаю.

Бреду по траве среди вековых лип и тополей. Обхожу сидящих и лежащих на упругой траве людей, греющихся на солнышке. Меня обступают огромные дубы, которым более шестисот лет. Их корявые ветви в опушении нежно-зеленой листвы басовито поскрипывают высоко в синем небе. Задираю голову до головокружения, ноги подгибаются и укладывают меня на сочную траву, присыпанную прошлогодними жестяными листьями. Невдалеке белеют царские палаты, трапезная с маленькими оконцами в стенах метровой толщины. По другую сторону рубленая изба, из толстых сизых бревен. Стоит трехсотлетним крепышом, как немой укор поклонникам технического прогресса. Прикрыв глаза, впитываю старину. Вдыхаю парной аромат скошенной травы. Слышу мягкий шелест юной листвы, далекое поцвиркиванье птичек и приглушенный детский смех.

– И как вы только здесь живете, – раздается необычный голос. Он не звучит, но слышен. Будто «тихо сам с собою, я

веду беседу».

– Да вот так и живем. Каждый по-своему, – отвечаю незримому собеседнику. – А ты сам откуда?

– Отсюда, только на несколько веков раньше.

– Тогда что же тебя удивляет? Здесь почти ничего не изменилось.

– Воздух у вас тяжелый. Все вокруг отравлено каким-то ядом.

– Это точно, – соглашаюсь. – Сам удивляюсь, как выживаем. Послушай, а ты сейчас где: там или здесь?

– Точно не знаю. Скорей всего, и там и здесь. А может быть, ни там, ни здесь, а где-то посередине. Да ты сам подумай, разве я смог бы дышать вашим воздухом? Лежать на вашей траве? Пить вашу воду?

– Ты еще добавь: «облучаться вашей радиацией».

– Это вообще для меня смертельно.

– Не забудь и наше телевидение, прессу, рекламу.

– Этот Содом и вспоминать не хочу. Огнем бы все пожечь!.. Ох, прости.

– Ничего. Это желание ежедневно у всех нормальных людей возникает. А я смогу жить в твоем времени? Как ты думаешь?

– Скорей всего нет. У нас много кислорода. Ты бы им отравился. Помнишь, как у тебя болела голова, когда ты приезжал в деревню впервые после зимы? Только у дымного костра и отходил.

– А как же мы с тобой говорим сейчас? У нас и язык должен быть разный. Тебе положено говорить: сице, непщевати, углебати, усыренный, обаче…

– Примерно так я и говорю. Но между нами переводчик. Наверное, это Ангел. Эй, а ты хоть знаешь, кто такие ангелы? А то, может, вы уже и в ангелов не верите?

– Некоторые верят. Я тоже.

– Значит, ты не совсем пропащий. Тогда спасайся. Время не идет – оно летит. Спасайся, брат. И помни: «Путь человека – есть путь из бездны».

– А если я в эту бездну все-таки упаду?

– Значит, встанешь, отряхнешься и снова – вверх. Помни, что сказано в «Пастыре» Ерма: «Не бойся, Бог или сокрушит сердце твое, или кости твои». Ты в руках Божиих – не бойся.

Открываю глаза. Рядом никого. Жаль. Мне еще столько нужно сказать собеседнику из прошлого, да и расспросить о многом. Впрочем, что это я? Не слишком ли доверчив? И тут вспомнилось кое-что.

В годы своего неофитства, начитавшись святителя Игнатия Брянчанинова, любил я, помнится, навешивать ярлык – «прелестник». Чуть кто думает не по-моему, слишком возвышенно, что не вмещало мое суетливое сознание – на нос ярлык! Но однажды, Господь послал мне вестника для вразумления.

Случилось это на старой квартире. Заходит ко мне в гости соседский мальчик. Никогда раньше его не замечал: ма-

ло ли детей бегает по двору. Этот Лёня к тому же какой-то невзрачный, болезненный. Ну, одолжил я ему дрель и повел провожать к двери. И тут он иконы мои увидел и разговорился. Оказывается, он тоже верующий, а имя его настоящее Пантелеимон.

– Что же, – спрашиваю, – ты у своего небесного заступника здоровья не выпросишь?

– Что ты, дядь Тихон, – вздрогнул он даже, – моя болезнь – это все что у меня есть. Это дар Божий. Когда я терплю боль и унижения, то чувствую, что спасаюсь. А если их не будет, что тогда останется?

Слова мальчика, признаться, меня удивили. Может, потому, что сам был здоров. А, может, потому, что вера моя жила больше в голове, чем в сердце. В тот вечер мы долго с ним беседовали под чай с печеньями. Узнал я, что мальчик по причине болезни и своей православной «инакости» одинок. Более того, терпит насмешки и унижения от сверстников.

– Хочешь, я по-мужски поговорю с мальчишками? – спрашиваю, указывая подбородком в сторону боксерского мешка с перчатками.

– Что ты, дядь Тихон, – снова вздрагивает он, – не надо.

И снова я посрамлен мальчиком. И здесь он оказался опытней меня. Смотрел я на него, а в душе моей боролись два противных чувства: жалость к его фиолетовым нитяным жилкам, проступающим сквозь тонкую кожу, и уважение к его твердой вере. Болезненная истонченность давала

ему прозрачность для проникновения силы Божией. Вспомнились слова из Послания Коринфянам апостола Павла, которые до сих пор не понимал: «…Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи».

– Да ты за меня не волнуйся, дядь Тихон, – прочел он мои мысли, – у меня есть друг. Настоящий, верный! И охраняет он меня лучше, чем президента «вся президентская рать».

Тогда по телевизору показывали фильм с таким названием, в котором клеймили и разоблачали «порочные нравы загнивающего запада». Мы в унисон хмыкнули.

– Это что же за супермен такой?

– Ангел-хранитель.

– А-а-а, ну это ты в прелести, – вешаю привычный ярлык.

– Щас! – мальчуган сорвался с дрелью подмышкой и убежал. Вернулся с книжкой «Размышления христианина, посвященные Ангелу-хранителю» и прочел: – «Хотя мы не можем видеть Ангела телесными очами, но можем видеть очами веры. Ужель мы столько порабощены чувствами, что не хотим верить ничему, кроме того только, что нам является под грубым видом вещества! Или сердце ваше столько занято суетами мира, что ничего не любит, кроме богатства и удовольствий?»

– Ну, хорошо. Только разве можно дружить с невидимым

духом? Ведь с друзьями принято общаться, советоваться, делиться радостью и бедой.

– Можно, – уверенно кивает мальчик. – Надо только научиться говорить с ним. Вот: «Ты скажешь: как можно беседовать с Ангелом, когда невозможно слышать его голос? Эта таинственная беседа заключается не в вещественных звуках человеческой речи, но во внутреннем голосе сердца, проникнутого верою в невидимое присутствие Ангела-хранителя, в его благость и мудрость. Эта беседа требует чистоты сердца, обращенного к нему со смирением и молитвою… Когда голос Ангела проникнет в твое сердце, ты услышишь беседу: он будет говорить тебе о правоте, о чистоте душевной, о целомудрии, о благотворительности, о милосердии, о любви к ближнему, о благочестии; сердце твое исполнится умиления и насладится душевным миром.»

– Но ведь ты знаешь, Лёнь, существуют и ангелы падшие. С ними тоже ненароком можно вступить в контакт. И тогда… это… прелесть, – с трудом выдавил я любимое словцо.

– А здесь и об этом написано: «Злобный враг рода человеческого станет, напротив, возмущать твое спокойствие, станет прельщать ум твой богатством, роскошью, почестями; не внимай обольщениям его…» И потом, дядь Тихон, – улыбается он, – вы причащаетесь?

– А как же! Какой же я без этого православный!

– Видите! Значит, и канон Ангелу-хранителю читаете. А там в молитве вы говорите: «Вем воистинну и усты испове-

дую, яко никтоже таков друг и предстатель, защититель и поборник, якоже ты, святый Ангеле…»

– Да уж, Пантелеюшка, сдаюсь на милость победителя, – поднимаю руки, а про себя думаю: «Трепещите, враги Православия! Экое племя растет, «младое да незнакомое»! Это вам не наше поколение пьяниц гитарно-кухонных».

После того разговора я, действительно, пытался общаться с Ангелом, и даже что-то получалось… Во всяком случае, несколько советов я не только сумел получить, но даже реализовать. Только эта суета… эти вечные проблемы очень скоро свели на нет мои усилия. Увы, катиться с горы всегда проще, чем подниматься.

Но сейчас у меня все по-другому! Я в таком положении, в таком состоянии, – что мне никак без могучего «друга, предстателя и защитителя» не обойтись. Поэтому сбивчиво и «неканонично», но искренне, как могу, прошу Ангела помочь мне.

– Ангел-хранитель мой святой, я сейчас, как щепка в море. Как не утонуть? Как успокоиться? Что делать?

И замолкаю. В наступившей мысленной тишине, через двенадцать гулких ударов сердца во мне звучит:

– Чтобы не утонуть в море, войди в корабль. Храм – твой корабль. Зайди в него, помолись и возьми благословение.

Нет, это был не голос, воспринятый слухом! Я будто сам мысленно произнес эти слова. Но я узнал! Узнал голос моего давнего друга и наставника, защитника и молитвенника.

Неужели, действительно, началось мое возрождение? Вспоминается самое лучшее, что было, и самое полезное.

– Божий вестник, как мне избавиться от страха перед будущим странствием? Как научиться не оглядываться назад? Как перестать жалеть оставленный комфорт и порядок жизни?

– Тогда взгляни на будущее. Оно уже происходит. Взгляни духовными очами. Ты готов?

– Да.

И вдруг отодвигается невидимый занавес. Панорама открывает крохотный мазок на огромном полотне. Или это с моих глаз спадает мутная пелена? И я вижу то, что… есть.

На месте бетонных домов – безглазые руины с горами щебня. Столетние деревья горят, объятые огнем. Тысячи автомобилей – там и тут – валяются обугленными скелетами. В прежнем русле Москвы реки течет огненный поток. Земля содрогается и покрывается трещинами, из которых выплескивается гудящее жадное пламя. Безумные люди и животные мечутся с дикими воплями, падая в огненные трещины. Птицы черным угольным градом сыплются с небес. А сами небеса объяты багровыми клубами огня и жирного черного дыма.

– А кто же спасается? – спрашиваю.

– Смотри.

И тут мне открывается, как над всеобщим безумием огненного шторма – белыми кораблями плывут дивной кра-

соты церкви. Они несравненно красивее и совершеннее тех каменных строений, которые мы посещаем. Я, кажется, понимаю: это храмы Небесного Иерусалима, земными проекциями которых являются наши. Внутри белых кораблей стоят люди и с радостью возносят молитвы Господу. Это дети Царствия Небесного. Они члены Церкви Христовой, которую «не одолеют врата ада», сжигающего неверных огнем. Сейчас мне предельно ясно: только православные имеют истинную радость – великую радость спасения во Христе.

После таких откровений не нужно меня тащить в храм. Я вхожу в него, как в небесный корабль, где даже пыль под ногами свята. Перед литургией прихожане пишут записки и ставят свечи. Как все это с виду буднично… Тихо и спокойно… Обхожу старинные иконы. После поклона и приближения каждая икона тысячами молитв говорит со мной. Существует слово «намытый» – это что-то свежее, сияющее, у мамы на руках, с румянцем во всю щеку. Здешние же храмовые иконы «намолены» – это когда впитавшие в себя тысячи молитв, поклонов, целований святые образы делятся с тобой теплым незримым светом, от них исходящим.

Путешествие к центру сердца

Под монотонное чтение часов становлюсь в очередь исповедников. Вспоминаю слова одной проповеди: церковь – это лечебница, в которую идут для исцеления. В больнице делают прививку и мы переносим в легкой форме смертельную болезнь, чтобы не погибнуть. Исповедь – как бы «прививка», легкое, щадящее подобие Страшного Суда. Кому-то это дано ощущать больше, кому-то – меньше. Мне сегодня везет: соседи по очереди сосредоточены на покаянной молитве. А батюшка у аналоя весьма строг.

«Глубоко сердце человека, и кто познает его», «Царствие Небесное внутрь вас есть» – эти таинственные слова остаются для меня загадкой и не дают покоя. Прошу Ангела объяснить мне это. Добрый наставник кротко соглашается.

Путешествие внутрь сердца начинается с очищения. «Нельзя нечистому войти в Царствие Небесное, – говорит Ангел. – Сердце человека – суть его. Если внешнее сердце подвластно врагу, то центр его неприступен для греха. Там, в центре сердца человека, располагается огонь Света, в котором сгорает все нечистое. Очистись добрым огнем покаяния. А чтобы пламя стало поярче, я помогу тебе памятью смерти».

Итак, я на коленях. Мою голову покрывает епитрахиль и ладонь священника. Обычное начало, с некоторых пор став-

шее пугающе дежурным, меняется. Я стою на крохотном пятачке твердой земли. Подо мной зияет огромная бездонная пропасть. Пространство вокруг превращается в чуткий Слух. Каждое слово взрывается и гремит, перекрывая ритмичную канонаду сердца. «Исповедаю… Господу… Богу… моему…»

Перечисление грехов сопровождается созерцанием тех адских адресов, куда с их помощью попадает грешник. Память выбрасывает наружу новые и новые грехи, забытые и неведомые. Они выходят из души и собираются в черное зловонное облако вокруг меня. Сначала бесформенное, оно постепенно обретает очертания страшного существа. Никогда не доводилось видеть, но я узнаю его – это вечная смерть. Не будь на голове епитрахили, это чудовище, верно, поглотило бы меня. После моих «раскаиваюсь, прошу простить и разрешить» священник произносит разрешительную молитву. В это время смерть вспыхивает и сгорает бесследно: ни дыма, ни пепла.

Облегченно встаю с колен, горячим и мягким. Прикладываюсь к прохладным Кресту и Евангелию. Беру благословение на странничество. И получаю его на удивление просто.

– Порадовал ты сегодня Господа, – говорит суровый священник с неожиданно доброй улыбкой.

Благодарю, отхожу от аналоя. Стою и смотрю на Престол в алтаре, как первый раз. Удивительное таинство – покаяние! Только минуту назад я был переполнен грязью и не мог пред-

ставить себе, как можно жить без грехов, которые срослись со мной. И вот я стою чистый, будто заново родившийся, и мне непонятно другое: как мог я жить так грязно и носить в душе тяжкий груз нечистот. На душе – опьяняющая чистота и легкость. Это дар, непостижимый и богатый, потому что не за что получен, лишь за один малый шажок к Богу. Как легко быть чистым, и как легко благодарить за это Подателя чистоты.

Приближаюсь к распахнутым Царским вратам. Чувство величественного и страшного Присутствия нарастает. Слова Иисусовой молитвы сначала заполняют сознание, потом все существо, затем овладевают всей моей вселенной. Никогда еще молитва не струилась так легко – это Ангел помогает: сильный луч направляется в сердце. По нему льется, упруго течет молитва.

Мое старание вознаграждается вливанием свежих сил, укрепляющих меня в изнеможении. От Престола, окутанного ароматной кадильной дымкой, льются волны невыразимой доброты. Словно любящий сильный отец принимает из материнских рук меня, умытого младенца, не ведающего собственного греха, и обнимает мощными бережными руками.

Смолкают громкие звуки, утихают сильные чувства, замирают резкие движения – мир сходит в сердце. Время встает и разливается полем до горизонта. Здесь живут цветы и травы, радуга на струях летнего дождя и синее небо, детский смех и

жужжание пчел. Здесь искрятся глаза влюбленных и улыбки матерей, звучат стихотворные рифмы, оживают дивные картины художников и ласкает слух нежная мелодия.

Блаженный отдых на поле душевном внезапно нарушается нарастающим грозовым шквалом. Битва продолжается.

Молитвенный круг обороняет меня от злобных атак оживших страстей. Они, будто ночные грабители, выползли из темных укрытий. По мере углубления в сердце страх нарастает. О, ужас! Неужели этот зверинец мой? Эти гнусные существа, которые воют и рычат, рыдают и пищат… Извиваются, тянут ко мне когтистые лапы и целятся клыками… И вся эта мразь – население моей души! Нет, Господи, сам я тут абсолютно бессилен. Только Вседержитель, имеющий безграничную власть и силу, по любви к немощному Своему созданию способен справиться с этим рассадником зла. Вот уж поистине «Путь человека – есть путь из бездны». Сколько же мне предстоит с этим сражаться!..

Иисусова молитва надежно ограждает меня невидимой броней. Восемь слов, наполненных мольбой о помиловании – вращаются мощным сверлом, вгрызаясь в корни страстей. Никогда не думал, что моя молитва может так разогреться. Сейчас она – спасение, последняя надежда, жизнь, в конце концов! Она пробивает узкий тесный путь. Дороги назад нет, поэтому с упорством каторжника, ползущего по тесному подкопу на волю, продираюсь вперед, к спасению. «Узкий путь ведет в Царствие Небесное». Мои плечи ободраны

в кровь, кожа клочками повисает на острых выступах узкой каменной норы. «Отдай кровь – прими дух», – укрепляюще доносит прохладный ветерок. И я лезу, продираюсь, протискиваюсь вперед.

«Дорогу осилит идущий». «Молитва дается молящемуся». Много раз эти слова тешили мой слух и мозг, не проникая в сердце. Сейчас я их проживаю. Бедное мое сердце! Сколько сорняков насадил я в твою плодородную землю. Сколько диких зверей напустил в эти колючие чащобы. А сам при этом остаюсь бессильным, мягким и глупым. Господи Сил, помоги моей немощи! Наконец, пытка подходит к концу. Как славно, что при жизни все плохое кончается!

Всплывает из памяти мой давний вопрос: что значат слова из утренних молитв «стань благоговейно, представляя себя пред Всевидящим Богом»? Ответ пришел быстро, в тот же день. Открыл книгу о молитве и прочел совет Василия Великого о том, как «предстать пред Богом». Словно мощные крылья, подхватывают меня слова святого и я отправляюсь ему вслед.

Оказываюсь над землей, над воздухом – в звездном густом фиолете. Здесь молитва несет меня легко, мощными взмахами крыльев. Разноцветные звезды, огромные облака созвездий, немыслимо великие галактики – плавно обтекают мой полет. Эту бескрайнюю вселенную сотворил мой Отец, мой Господь для меня и таких же, как я, людей. Это мы должны ее населить, всюду разбить сады, построить дворцы… О, ес-

ли бы знать хоть малую часть того, что задумал Господь для детей Своих, распявших Его на обрубке дерева!..

Звездное окружение уносится назад. Но чернота ночи освещается рассветом. Крылья молитвы несут меня навстречу множеству сверкающих слоистых кругов. Это уже не звездные скопления – они живые. По мере сближения узнаю ангелов. Их такое множество, что ни сосчитать, ни охватить взглядом. Проношусь сквозь чины светлых ангелов, пресветлых архангелов, сияющих таинственных начал, властей, сил, престолов… Но что это? Даже огненные херувимы и серафимы остаются позади! Чувствую их удивленные взоры, полные священного трепета. И слышу возгласы ангельских восхищений: «О, как велик человек пред Богом! Сколь дерзновенная молитва дарована ему Господом!»

Стремительный полет продолжается. Я трепещу от страха, сгораю от любви и глохну от нарастающей тишины. Наверное, все мое существо изменяется до неузнаваемости. Меня окружает облако огня, который не жжет и не ослепляет. Сейчас скорость моего вознесения растет. Впрочем, ощущаю это не телом – его будто и не стало – а нарастанием чувства священного страха. При этом вокруг ничего, кроме абсолютного мрака. Сейчас я один. Со мной лишь молитва и страх. Мрак сгущается и разрастается до бесконечности. Я при этом умаляюсь до микроскопических размеров. Наконец, все замирает.

Упразднены слова и знания. Здесь встала неприступная

стена мрака между тварью и Творцом. Я перестаю быть тем, кто я есть и кем был. Мое умаление достигает почти абсолюта, грозит превратить меня в ничто. В этот миг я постигаю бесконечное величие Творца, Его милость к человеку и совершенную любовь Отца к сыну.

А в это время там, впереди, в бесконечной дали, в неприступной Обители Света происходит Предвечный Совет. В абсолютной тишине, не нарушая ее, оживают слова.

– Любовь Наша требует умножения. Сотворим вселенную.

– Да будет так.

– Сотворим человека и соделаем его царем вселенной.

– Да будет так.

– Сын Мой Единородный, человек будет свободным и не сумеет понести этого дара. Он предаст Нас, отпадет от славы, забудет свое призвание и увлечется смертным. Бог по призванию, человек станет хуже скота, растения и даже земли, из которой сотворен. Сын Мой возлюбленный, Тебе надлежит воплотиться в поврежденное тело человека и стать одним из них. Человек Тебя возненавидит, будет над Тобой издеваться, бить и плевать в лицо, он предаст Тебя позорной смерти на кресте. Сын Мой, Сын возлюбленный, грех человека надлежит искупить страшной жертвой. И этой жертвой станешь Ты, Сын Мой Единственный! Хочешь ли Ты этого?

– Да будет так, Отче. Я уже люблю человека до смерти крестной. Да воссияет славой Крест любви Нашей.

– Да будет по глаголу Твоему, Сыне.

…Замолкает последнее Слово. Никого и никогда я не любил так, как Это кроткое Слово любви. Сейчас я сам готов умереть за такого Бога. За такого Отца, усыновившего меня. Молитва рождается, вспыхивает огнем и потрясает:

– Слава Тебе, Господи! – гремит вокруг и во мне.

– Свят, Свят, Свят! – отзывается ангельский мир.

Все умолкает и ждет.

– Да будет Свет, – гремит Слово из вечной тишины.

И стал свет зримый, и воцарился. И вижу я в сердцевине его – Вседержителя на престоле славы. И Крест искупительных мучений Его, сияющий, как тысяча солнц. И тает сердце и поет славу Отцу моему и Господу. И нечистые уста мои неустанно произносят сладчайшее слово во вселенной: Иисус…

И там, вокруг ослепительного Престола, вижу я святых Божиих, при жизни угодивших Ему чистотой, подвигами и смирением. И узнаю их, хоть и не видел никогда, лишь некоторых на иконах. И прошу едва слышно: «Вси святые, молите Бога о нас». И встают они радостно, и обращаются ко Господу Сил и милостей, и воздевают руки к Его невыразимой светлости, и воссылают Ему свои пламенные молитвы.

И вижу я там множество молящихся православных, живущих на земле, но духом вознесенных в эти высоты сердца. И вижу множество людей, о которых они молятся. И вижу, как Господь милостиво благословляет каждого, чье имя звучит.

И дивлюсь я увиденному, а уста немолчно несут сладчайшее Имя, произносимое на земле: Иисус…

– Слава Тебе, Показавшему нам Свет! – благодарит и ликует тварный мир.

– Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое, – звучит под сводами храма баритон священника.

– Видехом Свет истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице поклоняемся: Та бо нас спасла есть, – поет хор.

Странник

Невидимый занавес приоткрылся на миг и снова закрыл от меня панораму вечности. Сейчас это где-то живет и кажется возможным, но таким неприступно далеким. Литургия закончилась. Выхожу из храма. Сознание, как с высокой горы, сходит в низины земли.

– Это страшно – стоять у Престола Божиего!

– А Престол в алтаре храма – это не то же самое? Перед земным Престолом тебе не страшно? Бог восседает и на Небесах, и в каждом земном православном храме.

– Зачем нам открывают это?

– Для укрепления веры.

– Из чего все это? Откуда оно?

– Это живет в центре сердца. Господь человеку от рождения вместе с душой вкладывает семя Царства Небесного. И каждый может при желании пройти этот путь.

– А почему всё так знакомо? Будто происходило раньше.

– Ты читал об этом в Евангелии и у Святых отцов. Бог Слово познается через слово откровения, данное Святым. Вот почему Церковь обязывает непрестанно читать Евангелие и Предания. Тогда свет Истины просвещает всего человека: дух, душу и тело. То, что ты прочел и принял сердцем, остается с тобой навечно.

– Благодарю тебя. Что же мне делать дальше?

– Странствовать. Ты же для этого вышел из дома.

– Мне бы сначала к настоящему страннику примкнуть.

– Да вот он – только оглянись.

Оглядываюсь и действительно вижу присевшего на траве худощавого мужчину лет пятидесяти с выгоревшим рюкзачком за спиной, с иконой на груди. Да и сам он напоминает мне кого-то иконного. Только кого, сейчас не вспомнить. Радость от пережитого и от этой нежданной встречи наполняет меня.

– Экий ты колоритный, брат, – открываю рот от восторга. – Дай-ка я тебя рассмотрю… Силён, силён!

– А теперь поругай, – просит собеседник, робко поглядывая на меня прозрачными глазами мудреца.

– Зачем?

– А чтобы не потщеславиться.

– Это пожалуйста, – с готовностью соглашаюсь. – Ходят тут, понимаешь! Привыкли там у себя! А здесь вам, между прочим, не там. Совсем уже всякую наглость потеряли. Ну как, хватит или еще добавить?

– Хорошо, хорошо, – слегка улыбается странник, – спасибо.

– Всегда готов. А ты кто?

– Не видишь? Странник. Вот сума, вот посох, а вот икона. Странник… Хожу из монастыря в монастырь. По благословению.

– И сколько в день проходишь?

– Обычно семь Богородичных правил.

– Это сколько ж, если в километрах?

– По-разному, брат. Иногда птичкой летишь, а иногда ползешь черепахой. Как нагрешишь…

– А сейчас откуда и куда?

– От преподобного Сергия к благоверному Даниилу.

– Можно мне с тобою рядом? Если уж не странником, то хотя бы странствующим?

– Странствующим, говоришь?.. Можно, если тихо и с молитвой.

– Тебя как величать, странник? – спрашиваю по-родственному.

– Валерий. А тебя?

– Тихон. Послушай, а ты голоса слышишь?

– Святые отцы учат нас, что в сердце и в уме человека постоянно звучат голоса. Их несколько: свой собственный, голос ближнего, молва или голос толпы, ангельские вразумления, которые называются голосом совести; ну, и… этого самого, двойника-мучителя. Чтобы знать, какому голосу верить, а какой отвергать, нужно иметь различение духов. Голос, в котором слышишь любовь и уважение к твоей свободе воли – совесть. Если голос предлагает прощать ближнего, любить Бога, смиряться, молиться и каяться – это тоже совесть. Ну, а если голос предлагает что-то страстное, тревожное, гордое или, скажем, отложить спасение назавтра – это голос того самого двойника. Отвергай его.

– Значит, бояться голосов не надо?

– А православным бояться вообще ничего не следует. Кроме греха. Помнишь в Псалтири, «тамо устрашишася страха, идеже не бе страх»? Так это относится к тем, кто «рече безумен в сердце своем: несть Бог, растлеша и омерзишася, несть творяй благое».

Говорит складно, думаю, видно, подкован странник.

И мы пошли. Вот так просто и обыденно: поднимаемся, отрясаем прах с одежд, осеняем себя крестом и трогаемся в путь. Идем, молитовки пошептываем. Прохожие на нас оглядываются. Поначалу хочется каждому сказать что-нибудь, но потом привыкаю и перестаю обращать внимание.

…Вспоминаю, как приятель позвал меня в гости – «обмыть» новую машину, на этот раз спортивный двухдверный «Мерседес». После восхищенного ощупывания автомобильного чуда сидим за обильным столом загородной виллы. На поставках французского вина Леша заработал солидные комиссионные. Его аж распирает от новостей, а поделиться кроме как со мной не с кем. Бизнес, как известно, врагов-завистников умножает, зато друзей-приятелей сильно отсеивает. Наши отношения сохранились благодаря тому, что мне от него абсолютно ничегошеньки не нужно.

Так, после бокала «Шато-д-икем» он покровительственно обнимает меня за плечи и, снисходительно заглядывая в лицо, предлагает мне чем-нибудь помочь. Зная этого парня,

ничего путного от него не жду. Несколько раз пробовал с ним сотрудничать, но это оказалось невыносимым: чуть что – истерики, угрозы на ровном месте. А уж если бы случилось что неровное… Вы думаете, многотысячные состояния можно заработать без насилия? Я давно уже так не думаю.

После моего вялого отказа Леша вскакивает и развивает любимую тему: деньги как средство обретения свободы. Слушаю, слушаю, и так мне все это опротивело!.. И я задаю ему вопрос:

– Ты можешь обойтись без вкусной еды, чистого питья, сладкого вина, доступной женщины, современного комфорта, удобной одежды, унитаза, душа, автомобиля, гаража, дома, денег? И страха, конечно?

Он смотрит на меня исподлобья, набычился, подозревая провокацию. И отвечает «нет».

– Да ты повязан с ног до головы, парень! Как буйный псих цепями! О какой свободе ты говоришь!.. Что ты способен дать, чем поделиться – кроме рабских цепей?

Кажется, поколебал тогда вавилонскую башню его жизненной философии. Но эта встреча на три года отсекла его от меня. Впрочем, потом он «нашелся» и звонит теперь раздва в год «по вопросу обретения свободы»…

…Топаю, топаю, однообразно и нудно. Молитва то затухает, то вновь загорается. Это рассеяние. Оказывается лучше, если под ноги смотреть. После сто пятидесятой молитвы ищу, где бы присесть. Ступни ног горят, хочется пить. Толь-

ко мой странный спутник шагает рядом и мне расслабляться не дает.

Свобода

Жажда нарастает. Солнце печёт, прожигая плотное сукно одежды. Под ногами скрипит влажный желтый песок. Иногда наступаю на сухую палку, она с треском ломается. Молитву шепчу с трудом. От жажды дерет глотку, шершавый язык едва шевелится. Поднимаю взгляд на спутника – ему хоть бы что. Идет бодрым шагом, хлопая развевающейся юбкой выцветшего подрясника. Посох, отлакированный ветром и выбеленный солнцем, так и летает в его руке. Сколько же может он ни пить, ни есть? И чего ради увязался я за ним? Что мне дома не сиделось? Тоже, любитель странствий нашелся! Мучайся теперь, мечтатель. Поделом тебе.

Ему-то что. Он странствует всю жизнь, привык уже. Что голод, что жажда, что солнцепек – его будто и не касается. Он оглядывается, кротко улыбается сухими губами, подбадривает внимательным взглядом.

Справа за песчаной полосой высятся серые базальтовые скалы. Ни единой травинки, ни махонького деревца… Слева перекатываются голубоватые пенистые волны. Иногда ветер срывает с них пушистую пену, рассыпает в мелкие брызги и швыряет в лицо. Только вместо желанной прохлады до губ долетает мелкая соль и оседает на лице, волосах, одежде. Кристаллики соли скрипят на зубах, жгут носо-

глотку, слепят глаза. От непрестанной ходьбы горят ступни, наливаются свинцом ноги, от жажды пылает все нутро. Больше не могу…

– Отче, жажду, – сиплю иссохшей глоткой.

– Что же мешает тебе напиться, чадо? – улыбается он краешком рта. – Вода рядом. Только руку протяни.

– Она же соленая, отче.

– Разве Господь не знает этого? Разве не напоит Отец жаждущего сына?

– Она соленая!..

– Ладно, остановимся.

Он вонзает посох в песок и воздевает жилистые руки к горячему небу. Его губы тихо шепчут. Борода подрагивает от едва заметных движений подбородка и набегов ветерка. Вот правая рука осеняет крестным знамением воду и опускается.

– Пей сколько хочешь.

Вхожу по колени в пенистую волну и набираю пригоршню прозрачной воды. Пробую языком. Пресная!.. Пью взахлеб, брызжу на лицо, взметаю ввысь водяные фонтаны и смеюсь от радости. Вода прохладная, сладкая, живая – впитывается в каждую клеточку моей высохшей утробы, смывает въевшуюся в кожу соль, плещется и рассыпается налету радужными звонкими каплями. Кто не жаждал до огня в груди, тот не знает, какая это драгоценность – вода!

Выбегаю на берег и развязываю котомку. Достаю пустую

фляжку…

– Зачем тебе это? – спрашивает мой спутник. Он так и стоит на берегу, опираясь на посох. Хоть бы пригубил воды…

– Как же… Хочу набрать воды впрок. Она такая вкусная!

– Скажи, чадо, а разве там, куда мы идем, Бога нет? Разве не напоит Он тебя в любом месте?

– Истинно так, отче Виссарионе.

Он кивает и продолжает путь. Я иду вслед. Усталость прошла, ноги шагают легко, будто встал после отдыха. Голова ясная. Тотчас вспомнился мой вопрос авве: «что есть свобода?» Старец только кивнул головой: «Даст Бог, узнаешь». Кажется, кое-что узнал. Одна у него забота – молитва. Это его жизнь, его дыхание, его пища и питие. Остальное дает ему Господь. В любое время, в любом месте. Он кроткий раб Божий. Он совершенно свободен.

Пустынник

– Урок весьма поучительный. Благодарю, Ангел. Только я вот все думаю… Никак из головы не выходит. Преподобный Виссарион из монастыря в монастырь ходил. Там, в монастырях, есть и кров, и еда. А как выживали пустынники? Там же, помнится, голые скалы, песок, зной. Ни кустика, ни лужицы – никакой жизни. Я понимаю: вера, призвание, подвиги… Но и подвижнику иногда пить-есть нужно.

…Мы с попутчиком выходим из города рано утром. Сначала идти легко. Держим путь в сторону огромной серой горы на горизонте. Авва сказал, что за ней мы найдем еще одну гору – нам туда. Полдень застает нас в зеленом тростниковом оазисе на берегу небольшого озерца. Здесь прохладно, птички порхают, тучи москитов, множество звериных следов на раскисшей серой глине.

Окунаем в мутноватую воду горящие ноги, смывая свинцовую усталость. О, какое блаженство! Набираем во фляжки солоноватой воды и с новыми силами отправляемся дальше. По широкому каньону среди высоких пепельных скал ступаем по белому плотному песку. Зной давит и наливает все существо тяжестью. Сознание иногда плывет знойным маревом, становится мутным, неверным.

Иногда кажется, что идем по облакам, которые пронзают скалистые вершины гор. Молитва вяло, через понужде-

ние поскрипывает на зубах и языке. Иногда кажется, что вот сейчас, в этот миг рухнешь в полном изнеможении. Но в последний момент издаешь отчаянный предсмертный молитвенный вопль – и силы вливаются в изможденное тело и очищают голову от вязкой горячности зноя. Так и бредем: от смерти к жизни, сквозь терния саможаления.

Ночь застает нас среди голых камней. Ложимся, преломляем хлеб, жуем финики, запивая капельными глотками драгоценной воды. После благодарственной молитвы приникаем к теплым камням и засыпаем. Только в пустыне ночь не слишком спокойное время. Кажется, едва голова коснулась предплечья, как резкий всплеск звуков вонзается в мозг – и ты вмиг превращаешься в замершее от страха существо, похожее более на испуганного зверя, чем на человека Божиего.

Ночная пустыня полна суровой охотничьей жизни. Где-то рядом шипят и ползают змеи, шуршат ящерицы, кругами ходят голодные леопарды и львы. Звенят над ухом и жалят москиты, оставляя на коже жгучие нарывы. Вокруг то что-то ухает и воет, плачет и скрипит. Сердце замирает от каждого звука, разливая по телу холодный липкий животный страх. Луна еще рассыпает мертвенный давящий свет. И все это будет продолжаться до самого рассвета. Но авва предупреждал нас об этих искушениях. Он обещал молиться за нас. И все, что нам остается, – это слиться воедино с его молитвой, горячей и светоносной. Как его лю-

бовь к Господу. Как его любовь к нам, чадам своим.

С потугой выдираем себя из этого мира страха и «уходим под кожу». Целиком полагаемся на Божий промысел о нас, на Его несокрушимую защиту и всем сознанием уползаем, как улитки, в уютный домик ночной молитвы. Восемь священных слов, среди которых сладчайшее Имя, – утешают, отгоняют всё внешнее и вводят в дивный мир внутреннего покоя.

Следующим днем идти легко. Ночь укрепила нас, освежила и убедила в огромной силе Божиего заступничества, покрывающего наше послушание. Полдневный зной переносится легче вчерашнего. Воду мы уже не пьем, а только изредка смачиваем ею сухие губы. Да и сама вода изменила вкус на сладкий. Это все авва: он незримо следует и сопровождает.

За серыми сыпучими песками, за скалами, громоздящимися там и здесь, за миражами и слоистыми потоками горячего воздуха – встает перед нами прекрасным дворцом рыжая Плоская гора. Неожиданно легко по крутому склону взбираемся мы на ровную каменную террасу и идем дальше. Под ногами каменная плита. Каждый звук наших шагов многократно отражается и эхом разносится вдаль. Звук нашего дыхания становится громче.

Перед нами вырастает еще один уступ. Еще один подъем. Оглядываемся. До самого горизонта тянутся каменные террасы разной высоты. А нам нужна самая высокая и темная – туда и направляем стопы. Здесь небо прозрачней,

чем внизу. Его синева углубилась и выгнулась ввысь. Воздух очистился от пыли, хотя по-прежнему горяч. С трепетом подходим к фиолетовой горе, похожей на пень огромного дерева. Огибаем с восточной стороны почти отвесную стену – и видим чудо:

Будто море в каменной горе за многие века проточило глубокую бухту, и она покрылась …изумрудным ковром. Среди виноградников и ровных гряд с овощами высятся банановые пальмы, богатые смоквы, персиковые и гранатовые деревья. Они обильно осыпаны плодами, шелестят сочными листьями. Огромные цветы стелются по земле, пышные кусты разливают сладкое благоухание. Конечно, предупреждал нас авва, что увидим необычное, но такого райского изобилия мы никак не ожидали.

От огромной пещеры отделяется и мелкими шажками приближается к нам Старец. Его сопровождают огромный ленивый лев, вальяжный гепард и трепетная глазастая серна, они льнут к его ласковым рукам. Над белым хитоном развеваются волосы до колен. Серебристая борода ниспадает на грудь и достигает середины голени. От глаз и едва заметной улыбки исходит сияние. Когда мы падаем к его ногам, легкий сладчайший аромат окутывает нас прохладным облаком. И мы понимаем, что попали в земной рай.

Все, что происходит с нами дальше, разум вместить не может. Опустившись на цветочный ковер, вкушаем плоды райских садов. «Бысть сердце мое яко воск, таяй посреде

чрева моего». Мы пьем напитки, от которых усохшая утроба расцветает весной. Мы слушаем пречудные глаголы, от которых трепещут Ангелы, незримо служащие нам за пиршественным столом. Нам хочется только одного: чтобы это не растаяло, не унеслось порывом ветра, никогда не кончилось!

По нашей просьбе дивный Старец поведал, как поселился он в этом месте. Как пришел в пустыню, горя желанием умереть для мира, умереть за грехи свои, умереть за Христа Спасителя. Четыре дня и ночи шел он сюда. А как взобрался на гору – так изнемог. Остаток сил решил положить на покаянную молитву. И молитва его была, как огонь. И вот Ангел Господень явился ему и коснулся чела рукой. И силы влились в изнемогшую плоть.

Еще четыре дня и четыре ночи пустынник молился, чтобы Господь принял его дух в руки Свои. Но снова явился ему Ангел и сказал: «Нет готовности тебе умереть, живи здесь и молись, пока Господь не взвесит и не решит, что молитвы перевесили прегрешения твои». И снова коснулся его пламенной рукой – и снова силы вернулись. Еще четыре дня и четыре ночи прошли в молитвах и бдении. И третий раз пустынник изнемог и пал на лицо свое. Тогда пришел к нему лев и принес корзину с водой, хлебами и финиками. И так жил он год и молился. А лев привел гепарда, и стали они носить корзинами землю из долины и укладывать на голые камни. Иногда над горой среди ясного неба повисало облако и проли-

валось дождем. И тогда из земли появлялись зеленые ростки и тянулись к небу. Пустынник только молился и дивился происходящему вокруг.

Так прошли многие годы. Пустынник давно потерял счет времени. И снова явился ему Ангел и сказал: «Господь взвесил молитвы твои и грехи твои. Отныне ты прощен и можешь оставить землю. Но если хочешь, молись о роде своем, ибо не все спасены и многие томятся в плену преисподней. Хочешь ли ты помочь роду своему?» – «Хочу, Господи!» – ответил пустынник.

Прошло еще время, и снова явился Ангел Божий и сказал: «Отныне и род твой спасен. Хочешь ли ты молиться за мир?» – «Хочу, Господи», – ответил пустынник. И так он жил здесь и молился сто лет и три года.

Знал пустынник о том, что происходило в мире. Господь показывал ему войны и скорби людей. Видел он и то, как молитвы монахов удерживают мир от гнева Божиего. И распинался он в молитвах за мир, от которого бежал в пустыню.

Так готовность к смерти рождает жизнь. Так жизнь торжествует. Чего же стоит нам услышать слово, которое звучит беспощадно там, где сливаются торжествующее небо и смиренная земля, где рай утверждает реальность блаженной вечности! Но слово прозвучало. И пронзило, ибо слово это – смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.